В чьей склонность родилась к тебе уже крови,
Да долго и сама не будет притворятца
И гордою к тебе не станет та казатца.

Ответ на послание к Бекетову ярко свидетельствует о том, сколь чужды были поэтам «страсти нежной» «больные» вопросы современной литературной и общественной жизни, вокруг которых разгорелись самые жаркие сражения. Здоровый гедонизм «баловней судьбы» быстро погасил вспыхнувшую в их сердцах неприязнь к возмутителю спокойствия — Елагину.

Первая волна антиелагинских сатир пошла на убыль, однако его принципиальные противники не считали спор законченным. Новый импульс полемике придала стихотворная эпиграмма Ломоносова «На Балабана», в которой подверглись осмеянию моралистические потуги Елагина. Ее список из сборника Ржевского (л. 11) содержит отдельные разночтения с черновым подлинником,[36] позволяющие видеть в нем доработанный автором или переписчиком вариант первоначального текста. Елагин не остался в долгу. Об этом свидетельствует его «Письмо к Сумарокову», полное злобных насмешек над Ломоносовым. Авторские примечания к этой эпистоле, сохранившиеся только в списке Ржевского (л. 11—11 об.), подчинены той же цели — как можно больнее уязвить ненавистного противника:

«Парнат — гора в гряде, о которой баснословят, будто Аполлон с музами на оной обитали.

Мельпомена — муза трагическая.

„Семира“ — трагедия господина Сумарокова, еще не напечатанная.

„Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен“, см.: Мальгерб — французский лирик, Пиндар — греческий стихотворец.

„Я не чтуся знать его“ — значит, что я не жалею, что, не зная по-французски, Мальгерба не читал, если он таков, как наш одический поэт».

С каждым днем полемика приобретала все более скандальный оттенок. В отрывке из анонимного сатирического стихотворения, направленного, по-видимому, тоже против Ломоносова («О громко <...> каков ужасен мор! Как тучи с тучами гром з громом ударяет, и воздух, закипев, моря и понт терзает...» — л. 12—12 об.), наиболее употребительными словами были: «дурак», «дурачество», «посмешище». Антиломоносовская кампания достигла своего апогея в эпиграмме неизвестной «сочувственницы» Елагина «На Телелюя». А. Н. Афанасьев опубликовал смягченный переписчиком вариант этого грязного пасквиля.[37] Список Ржевского донес до нас утраченные в Казанском сборнике внешне незначительные текстуальные разночтения, характеризующие не только личные, но и социальные симпатии и антипатии автора эпиграммы. Так, замена

---

[36] См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч, т. 8, с. 540.
[37] Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 456.